

Ночь.

Они вдвоем сидели под тусклым светом лампы, пересчитывая выручку. Медные монетки с глухим звоном высыпались из глиняного горшка, разлетаясь по столу. Ду Жо принялся собирать их, нанизывая на бечевку.

Взвешивая на ладони увесистую связку, Ду Жо не мог поверить своему счастью. Он и подумать не мог, что его жена, еще недавно пропивавшая последние гроши, вдруг начнет зарабатывать! Да и дело-то какое — пустяковое: нанизать на палочку фрукты да сварить сахарный сироп, никакой тяжелой работы.

— Жена, это всё благодаря тебе, — прошептал он, глядя на нее с обожанием. — Наша жизнь наконец-то обрела смысл.

Ду Жо вложил деньги в руку Шэнь Цзиньчэн, а затем встал у нее за спиной, принимаясь разминать плечи. Его движения были полны нежности и подобострастия.

Слушая льстивые речи мужа, Шэнь Цзиньчэн поймала себя на мысли, что быть главой семьи — это просто чудесно. Деньги, которые она заработала, лежали у нее, Ду Жо, послушно выполняя ее указания, возился с товаром, да еще и смотрел на нее с таким обожанием. Разве это не предел мечтаний?

Она сдержалась, чтобы не расхохотаться слишком уж самодовольно:

— Это лишь временно. Как только люди распробуют, они поймут, что к чему. Через пару дней на этой улице торговцев леденцами станет как после дождя грибов.

— А? И что же нам делать? — руки мужчины на ее плечах невольно сжались сильнее.

— Ай! Ты хочешь меня покалечить?

— Прости, прости, это всё я, виноват! — Ду Жо в панике принялся усердно растирать ей плечи, боясь вызвать гнев своей жены-главы.

Шэнь Цзиньчэн не ожидала, что простая жалоба так его напугает. Она постаралась сделать равнодушный вид:

— Ничего, в следующий раз будь осторожнее. А что до леденцов — перестанут приносить доход, начнем продавать что-нибудь другое. Не бери в голову.

Ду Жо покорно опустил голову и замолчал. Шэнь Цзиньчэн не испытывала к нему теплых чувств, поэтому не стремилась поддерживать разговор, используя его лишь как живой массажер. Поначалу, сразу после перемещения в этот мир, она стеснялась так помыкать человеком, но, пробыв в роли рабовладелицы довольно долго, после короткой борьбы с совестью она быстро привыкла к местным порядкам.

Цзиньчэн отчетливо чувствовала социальную пропасть между ними. Ду Жо был для нее и слугой, и инструментом, и источником заботы. Она не пыталась намеренно унизить его, но Ду Жо сам ставил себя в такое положение, отдавая всего себя, что невольно пробуждало в ней худшие черты характера.

В свете лампы Шэнь Цзиньчэн откинулась на спинку стула, блаженно прищурившись. За ее спиной пара изящных рук разминала и постукивала по плечам, прогоняя скопившуюся за день усталость. Время от времени пальцы зарывались в ее волосы, массируя кожу головы. Его мастерство и терпение в сто раз превосходили любой современный массажный салон. Шэнь Цзиньчэн была готова уснуть на месте.

— Жена, может, ляжешь на кровать? Я разомну тебя как следует.

Внезапно пробужденная этим нежным голосом, Шэнь Цзиньчэн, не раздумывая, последовала за Ду Жо к кровати.

— Жена, позволь мне раздеть тебя.

С этими словами Ду Жо потянулся к ее нижнему белью. Шэнь Цзиньчэн в испуге отпрянула. Сейчас на ней была лишь легкая нательная рубаша, а под ней — только нагрудная повязка. Хотя она и относилась к Ду Жо как к младшему брату, их отношения не зашли так далеко.

Она пресекла его поползновения:

— Не нужно. Просто разомни так, как есть.

Сказав это, она легла на кровать, вытянувшись во весь рост, словно по стойке смирно. Видя, что она совершенно не понимает намеков, Ду Жо обиженно надул губы и бросил на нее укоризненный взгляд. Кто бы мог подумать, что Шэнь Цзиньчэн лишь спросит, не устал ли он и не болят ли у него глаза. Поистине — метать бисер перед свиньями, играть на лютне перед глухим.

Ду Жо, смущенный, застыл у края кровати.

— Чего же ты не ложишься? — поторопила она.

Поколебавшись, Ду Жо с сияющей улыбкой забрался на кровать и опустил полог. Размяв ей плечи, он просунул руки под рубашу и принялся медленно растирать спину. Его нежные кончики пальцев едва касались кожи, вызывая волны приятной дрожи. Он не верил, что она сможет устоять.

И действительно, он заметил, как тело красавицы слегка вздрогнуло. Ду Жо склонился к самому ее уху, прошептав сладким, манящим голосом:

— Жена, хочешь, чтобы я доставил тебе удовольствие?

Шэнь Цзиньчэн нетерпеливо кивнула:

— Да.

Ду Жо хмыкнул и уже было потянулся к завязкам одежды, как вдруг услышал:

— Чего замер? Постучи по спине. Как только что делал.

Ду Жо замер в недоумении:

— Разве жене нужно только постукивание? А как же массаж? Ты же сама обещала...

Наступило утро. Цзиньчэн с раннего часа привела себя в порядок. Она облачилась в длинный халат из тонкого синего хлопка, а волосы собрала и повязала платком — вылитый ученый-сюцай. Новый наряд смотрелся изысканно, но больше всего поражала ее внешность: кожа, белая как снег, и взгляд, холодный и чистый, словно сосна. Раньше этот облик казался ей суевливым и хитрым, но теперь, словно очищенная от пыли жемчужина, он начал сиять.

Шэнь Цзиньчэн не была женщиной атлетического телосложения, она была высокой и стройной, с утонченными чертами лица, напоминающими размытую пейзажную живопись — на нее было приятно смотреть, но трудно понять, в чем именно кроется эта притягательность. Словом, всё в ней было гармонично.

Цзиньчэн была довольна своим новым обликом. Эта Шэнь Цзиньчэн выглядела как человек из знатного рода, выросший в роскоши. Незнакомцы не осмеливались связываться с ней, что было отличной маскировкой.

Приведя себя в порядок и прихватив деньги с подарками, Шэнь Цзиньчэн попрощалась с Ду Жо, который возился с леденцами.

Когда она проходила через утренний рынок, городок уже вовсю проснулся. От паровых корзин исходил аппетитный аромат хлеба, слышался треск жарящихся лепешек. Торговцы овощами, мясом и сладостями уже разложили свой товар, кое-где даже продавали живую птицу. Насмотревшись на эту деревенскую суету, Шэнь Цзиньчэн поспешила пройти сквозь толпу.

Возможно, из-за ее необычного вида и манер, она заметила, что все вокруг глазают на нее — не украдкой, а вполне открыто. Хотя это и был мир женского матриархата, такое внимание не доставляло дискомфорта, но быть объектом всеобщего любопытства было утомительно. Шэнь Цзиньчэн вздохнула: всё-таки это захолустье.

Городок был небольшим, и вскоре она добралась до частной школы на западной окраине. В поселке Фэнлинь ценили образование, здесь жило немало сюцаев, но преподавали лишь двое — старик и молодой человек. Старый сюцай просто хотел заработать на хлеб, поэтому брал всех без разбора, и учеников у него было полно. У молодого же плата была вдвое выше, а учеников — куда меньше, лишь дети местных богачей.

Все взвесив, Шэнь Цзиньчэн решила пойти к молодому сюцаю. Старик не собирался сдавать государственные экзамены, а значит, был далек от актуальных знаний. Это ей не подходило.

Все было продумано до мелочей, она даже приготовила щедрые дары, но неожиданно возникли трудности. Цзиньчэн стояла перед закрытыми воротами, пребывая в замешательстве. Похоже, молодой сюцай узнал ее: едва слышав ее имя, он приказал слуге не пускать ее на порог.

Она так и не смогла даже встретиться с ним. Шэнь Цзиньчэн лишь молча развела руками: бывшая владелица тела оставила после себя столько проблем, что она никак не могла вспомнить, чем успела насолить этому человеку.

<http://bllate.org/book/20756/2081308>